

ТРЕВОЖНЫЕ СНЫ ЕЛДЫГИНА ИВАНА

Сны бывают разные – хорошие и плохие. Хорошие – это когда деньги снятся в большом количестве: они падают, падают прямо на голову, как осенние листья, хоть метлой их заметай в нужную сторону... Деньги, они любят, когда их в нужном направлении гребут, не куда-нибудь, понимаешь, в канаву, а прямо через руки в мешок... в большой мешок...

Ивану как-то приснилось подобное, так он чуть с ума не сошёл, когда проснулся, – целый день под впечатлением ходил...

Плохой же сон – это когда пиявки снятся, пауки и начальство всевозможное, от самого мелкого и до самого...

А Иван Елдыгин с детства боится пауков и начальство. Ну с первыми понятно – они волосатые, со множеством ножек и кусачие в принципе, а начальство – оно хоть внешне и благопристойно выглядит, но внутри у него достаточно много этих самых кусачих паучков и всякой другой твари. Иной раз глянет Елдыгин такому в лицо и сразу чувствует – не поздоровится... Оно, начальство просто сверлит своими паучьими глазами Ивана, чтобы тот не вздумал голову поднимать вверх. Не к лицу всяким Елдыгиным голову поднимать...

Иван даже полицейского боится на дороге с полосатой палкой: не пьян, а боится, и это у него

выражается сразу же при езде: руки начинают дрожать, сердце чаще биться, «Жигули-копеечка» туда-сюда, туда-сюда – виляет во все стороны машина, спасу нет... Как вроде преступник Иван. У него что-то с ассоциативным мышлением не в порядке: представитель закона должен вроде бы за преступниками бегать, а не за машинами без техосмотра и страховки, а тот – к Елдыгину с трубочкой: «Дышите, сильней дышите!». А Иван: «Ваше дорожное сиятельство, я вообще редко употребляю, разве что по праздникам да после баньки».

В общем, неприятности у него на почве страха. В далёком детстве у него инцидент случился, вот, наверно, с тех пор и тянется... Было ему года три, и он решил камни в памятник бросать. Может, у него отец тоже камни бросал в памятники, а может, и дед с бабкой тоже, возможно, это на генном уровне у Елдыгиных – камни бросать куда ни попади... А памятники, они, конечно же, не всяким проходимцам, типа Ивана, ставятся, а, как правило, только заслуженным людям. Представить даже страшно, если начнут ваять скульптуры любому смерду – пройти невозможно будет...

И вот, значит, захотелось маленькому Ванечке камешек пулкнуть в побеленного известью истукана, то бишь зов предков проявился в юной головке, потребовали буквально дед с бабкой –

пульни, и всё тут! И Ваня пульнул камешек... Удачно пульнул!.. Прямо в голову! Второй раз пульнул – тоже не промахнулся. В общем, развлекается ребёнок... Малец бы и не запомнил этой шалости, если бы не дядя, больно схвативший его за руку.

– Ты что же, такой-сякой, в начальство камни бросаешь? – рывкнул он.

Ваня три дня потом не разговаривал, мычал только. С тех пор он понял, начальство – это святое.

А потом по бурным рекам жизни Иван то здесь, то там сталкивался с этими самыми начальниками, потому как без них практически никуда... Желудком Иван смотрел на начальство, особенно в постперестроечные годы. Он, быть может, и в морду хочет дать работодателю, но не смеет, мычит только: «Ага. Угу».

– Елдыгин, мы тебя переводим на другой объект, – говорит строго ему начальство в очках и при галстук. – Там Пресноплюев запил и не выходит на смену уже неделю, а объект наиважнейший, понимаешь ли.

– Ага, – сказал Иван, а у самого мурашки крупные-крупные по спине забегали от страха, прямо в душу заскакивают, а там уже и без того кошки сидят и скребутся... И до того ему неприятно от этой новости, что словами не описать. Это поймёт лишь тот, кто работал охранником, а Елдыгин именно им и подвизался (куда ж ему ещё, как и всем другим).

Тот, кто работал охранником, знает – посидишь на энном объекте – привыкаешь... Знаешь, куда спросонья при малой нужде без промедления завернуть, потому как начинаешь буквально по-домашнему к объекту относиться. Второй дом, одним словом, этот объект. Стены становятся родными, прирастаешь к ним – хоть отскабливай потом. Главное, на смене день продержаться, пляясь на посетителей, а ночь в твоём распоряжении – спи не хочу, и пусть весь мир летит в тартарары... Иван Елдыгин спит! А почему, спрашивается, он должен напрягаться? Зарплата маленькая – один вид только её, вот и Иван делает видимость работы – изображает из себя охранника. Ему главное – до пенсии дотянуть. Он даже попросил начальство об этом: «Буду Вам очень и очень благодарен, если Вы мне позволите здесь доработать до пенсии. Я готов даже в отпуск не ходить, чтобы того... во благо частного охранного предприятия!..»

Начальство было тронуте этим заявлением и дало добро, но при этом стало ещё чаще бро-

сать его с объекта на объект. Тяжело было Елдыгину... И вот наконец-то заветный возраст!.. Он новоиспечённый пенсионер! В шестьдесят лет – на пенсию!.. И пусть позавидует ему будущее поколение престарелых охранников, которым подняли пенсионный возраст!

Теперь он дома ночует, даже не верится Елдыгину, что не надо робеть перед начальством, мычать чего-то под нос. Он теперь сам себе начальник. Шестьдесят лет он под ними ходил, прогибался, сюсюкал чего-то... Он даже грушу смастерил из старых джинсов, набив её песком, чтобы душу отводить: «На, собака, на!». Кого он там имел ввиду, нанося хуки и апперкоты, можно только догадываться. Дома он теперь. А дома он с закрытыми глазами дорогу в туалет найдёт, только вот...

Только стали его неприятные сновидения одолевать: вроде он, Елдыгин, работу потерял. Сказалась, конечно, долгая работа охранником. И не беда, что за эти годы он только на крышку от унитаза заработал, присматривая за чужим честно наворованным добром. Может, откладывая часть от пенсии, Иван к концу жизни и на сам унитаз накопит, а потом и на гроб. И хоть он уже и не работает в доблестной охране, а сны всё о том же... Вроде приходит Елдыгин в офис к начальству, а там ему с порога:

– Вы, господин Елдыгин, уволены.

– Да как же!.. Мы же того... договорились, мол до пенсии... – мямлит он во сне, испуская слюни.

– Вот физиономия ваша, – отвечает начальник ЧОПа, – не нравится нашему клиенту, мятая у вас она, старческая...

– А может, на другой объект, – волнуется Иван, – я хоть куды, лишь бы дотянуть...

– Нет нет, не можем – увольняйтесь!

– Да куды ж я!.. Да я с голоду того...

Просыпается Елдыгин в холодном поту, но постепенно успокаивается, вспомнив, что он уже на пенсии, а на следующую ночь опять тот же зловещий сон... Он даже грушу боксёрскую перестал бить, но бесполезно...

Баба ему как-то сказала:

– Ты бы понтрет этого начальника повесил в комнате, что ли? А то так и с ума сойдёшь.

– Может, ишо и помолиться на него? – психанул он.

Время шло, Иван живёт, и сны снятся чаще и тревожнее. Он уже и туалет свой стал путать с ранними производственными – сразу не нахо-

дил, блуждал по комнатам. Вот что значит – десять лет прыгать по объектам...

Вспомнил Елдыгин про бабую мысль о портрете начальника да и повесил его над кроватью – всем говорил, что это близкий родственник. Вроде помогло, даже удивился Иван. Реже подобные сны стали посещать. Всё чаще видел он цветущий картофель с колорадским жуком, облака, плывущие куда-то, даже Советский Союз приснился – приятный такой, тёплый, пощупал его Елдыгин. Баба потом долго приставала к нему: расскажи да расскажи про тот чудесный сон – не смог он рассказать, бубнил только одно: «Рай снился... Работа была».

Вот таким образом Иван привёл себя в душевное равновесие с этим самым портретом. Другой раз даже искоса зло посмотрит на него, а убирать боится, вдруг опять кошмары пойдут...

Сны дурные не посещали его даже тогда, когда попробовал вновь грушу самодельную с песочком подолбить мощными кулаками. Сначала он отработывал хуки и апперкоты молча, представляя кое-кого при этом, потом осмелел и стал выкрикивать на выдохе при каждом ударе: «На, собака!.. На!». И ничего...

Вот так и жил.

ГРИГОРИЙ И БЕНДЖАМИН

Григорий Сероштанов, немолодой человек без образования и семьи, жил тихо и бедно. Жил настолько тихо, что казалось, живёт только его тень, а не он сам. Его небольшой дом был старым, почерневшим от времени, с растрескавшимися брёвнами и гудящими в их глубоких расщелинах осами и шмелями. Крыша с изодраным в прах рубероидом прогнулась настолько, что готова была рухнуть в любой момент самостоятельно, не ожидая никаких природных катаклизмов. Окна искривились, придавая ветхому жилищу косоглазие и лёгкий испуг.

Внутри дома полы были вздыблены, особенно в кухне, да так, что середина комнаты представляла собой некое подобие горной вершины, словно в подполе жило огромное чудовище и готовилось вот-вот вылезти на свет божий. С одной стороны этого деревянного взгорья, у входа, стояла разлапистая кривая печь, с другой, не теряя стиль интерьера – перекошенный стол. Ещё был кухонный шкаф, такой же старый и серый, а в другой комнате – деревянный шифоньер советского покроя, кровать с панцирной сеткой да маленький выпуклый телевизор. Это было всё

богатство, доставшееся Григорию Сероштанову по наследству.

Он был необщителен, нелюдим. Напивался, когда сильно того хотелось, но нигде не появлялся в нетрезвом виде. Сажал Григорий ранний картофель и возил его на городской рынок, были ещё кролики, куры – тем и промышлял. Сколько ему лет, он сразу бы и не ответил, потому как не заострял на этом внимание. Он выглядел всегда в одной поре, как будто время остановилось на нём, не посчитав нужным хотя бы слегка пророздить на его смугловатом и худом лице некое подобие старческих морщин. А морщины должны уже быть – Сероштанов давно на пенсии. Справедливости ради необходимо отметить, что Григорий на государственное пособие вышел довольно рано – в сорок восемь лет, за какой-то советский «горячий цех», о котором никто толком не ведал.

Жил Григорий скромно, экономя буквально на всём, и вот однажды он обнаружил у себя значительную по сельским меркам денежную сумму – на корову хватит – дойную, породистую, а может, и на подержанный иностранный автомобиль. А нужна ли ему была эта корова или тот же автомобиль, он не знал. Григория обуревали другие мысли, тяжёлые, как свинец, давившие мозги ежедневно, ежечасно: что будет с рублём? Не будет ли дефолта?

Он каждое утро пересчитывал деньги, бережно перекладывая их из одной стопки в другую, но знал, деньги в одночасье могут потерять свою номинальную стоимость – так уже было, дважды было на его памяти. Первый раз при кончине Советского Союза – пропали все накопления, которых хватило бы на новые «Жигули». А при последнем обвале рубля он потерял не только накопления, но и жену, и всё из-за того, что Григорий упрямо стоял, боялся связываться с иностранной валютой. Рассорились они в пух и прах, как говорится, и Григорий был вынужден уйти, оставив жене городскую квартиру, а сам перебрался в родительский дом. «Лох, он и в Африке лох!» – услышал на прощание от своей благоверной. И вот теперь он снова стоял перед выбором...

Сероштанов боялся, чувствовал, к цыганке не ходи, как только у него заводился копейка – жди дефолта. Слово кто-то сверху зорко следит за ростом его благосостояния, чтобы тут же наказать Сероштанова, мол, нечего богатеть всякому смерду. Богатый вовремя переведёт свои накопления в твёрдую валюту – тёртый потому что,

ловкий и хитрый, а Григория жизнь бьёт-бьёт, а он не становится мудрее. Если разобраться, то он вовсе и не дурак – комплексы проклятые, недоверие к чужим деньгам, свои-то роднее, привычнее, да и государство не должно ведь бросать на произвол судьбы таких, как Сероштанов. По крайней мере, ему так думалось. Мучился он буквально физически подобными размышлениями, даже аппетит пропал – похудел за месяц, хотя и так был сух, словно саксаул, жилы одни.

А в вечерних и утренних новостях по телевизору говорилось о курсе валют к рублю, где доллар занимал весьма устойчивую позицию, а временами ударялся в рост. Сероштанов постоянно волновался, прикидывая возможности своих рублёвых сбережений, если бы они были переведены в иностранную валюту. С одной стороны – выиграл бы он, с другой – не было бы дефолта, в чём бы выиграло государство, потому как не обменяй он деньги – погорит не только он, но и государство, из-за дефолта, разумеется. Закон подлости не должен на этот раз сработать – Григорий теперь мыслит на уровне министра экономики!.. Только всё же противно ему – деньги чужие, непривычные доллары эти... Но он решился. Жена бы одобрила его мужественный поступок!

В районном отделении Сбербанка Сероштанов, страшно волнуясь, выяснил у красивой девушки за толстым стеклом, как меняются деньги, и, узнав курс обмена, засел в уголочке, подсчитывая возможности рубля при покупке валюты. Выходила ровно тысяча долларов. И когда ему в потные и горячие ладони легли всего десять купюр вместо солидной пачки рублей, Григорий заволновался – он впервые держал в руках иностранную валюту.

– Как мужика зовут? – спросил он у кассирши, тыча пальцем в изображение на банкноте.

– Это бывший президент Америки, – ответила, улыбнувшись, красивая и молодая сотрудница банка, с зелёным галстуком на тонкой шее, – и зовут его Бенджамин Франклин. Всего вам хорошего, дедушка!

«Ишь ты – дедушка... надо же?! Паспорт проверила. Неужели я настолько стар, – бормотал Григорий, широко вышагивая в сторону автовокзала. – Мне ведь всего пятьдесят семь... А ведь, однако, она права – старость...»

Дома он долго разглядывал каждую бумажку, увеличивал лупой портрет президента и находил, что тот удивительно похож на него самого, только Григорий гораздо худее, правда, ещё волос коро-

че и реже, а так – полное сходство. Удивлялся этому Сероштанов. На радостях он даже напился в тот вечер, а утром, протрезвев, засомневался в своём поступке: правильно ли он поступил, обменяв рубли на доллары! Не обесценится ли доллар? И почему бы не оставить их на вкладе в том же банке под проценты? А если власть поменяется в одночасье, как уже бывало, то кому нужны будут эти серо-зелёные бумажки?

Головную боль приобрёл Сероштанов от этой валюты. Самое страшное, что ему приходило в голову, – это их сохранность. Несколько раз на дню он перепрыгивал деньги в самые разные места: то в старый нерабочий самовар, то под хлипкую половицу, то в грязное бельё в шифоньере – нигде не было надёжного места от опытного глаза вора, так ему казалось. Продолжалось это целую неделю, потом ему сон приснился: будто Григорий щипает пустые хлеба и тут слышит стук в дверь. Ему это показалось в диковинку – никто к нему не ходит, может, жена вернулась... вернулась с разговором серьёзным: «Давай, Григорий, собирай манатки, поедём в город, люблю я тебя и прости – мы все лохи».

Но заходит в избу не супруга его, а сам президент Бенджамин. Заходит и представляется:

– Бенджамин.

Григорий как бы не очень и удивился этому, но внутренне напрягся, ведь не каждый день американские президенты в гости ходят к простым российским мужикам, тем более давно покойные.

– Григорий Иванович, – представился Сероштанов, приподнимая зад с табуретки.

Представился, а сам всё разглядывает гостя и с великом удивлением видит, что у того сапоги в грязи. Тот, уловив взгляд хозяина дома, махнул раздосадованно рукой.

– Грязь. Всюду грязь.

– Да уж чего-чего, а этого добра у нас завались. Вы, извиняюсь, господин президент, часом не заблудились?

– Да нет, Григорий Иванович, вы же сами меня пригласили по вопросу ваших денежных накоплений.

– Господи! – воскликнул Сероштанов. – Так я же только с надеждой припрятать их хорошенько.

– А не надо и прятать, – сказал гость, присаживаясь за стол и смахивая с него крошки. – Чаем хоть угостите?

– Чай – это запросто, – засуетился Григорий. – Только вот по поводу накоплений: вы предлагаете...

– Я предлагаю их пустить в дело. Деньги, Григорий Иванович, не должны лежать без дела – деньги должны прибыль нести.

Чешет затылок Сероштанов: выходит, Бенджамин прав, ведь у них там, у этих американцев, будь они неладные, всё просчитывается до мелочей.

Долго они беседовали на житейские темы, а между тем Сероштанов всё приглядывался к своему гостю и находил, что они действительно похожи, только с большой разницей – тот президент, хоть и бывший, а Григорий – простой мужик – лузер, лох.

Побеседовав, Бенджамин попросился переночевать у него, но ни где-нибудь, а в погребу. Сероштанов был очень удивлён такому желанию гостя, но отказать не смог, потому как президент настойчиво просился именно туда. На прощание Бенджамин подарил хозяину несколько мятых купюр со своим изображением. Сердце Григория бешено стучало. «Странно, очень странно», – думал Григорий. Когда же удалился важный гость, бережно прикрыв за собой перекошенную дверь, то в дом ворвалась та самая молодая и красивая кассирша, выдавшая ему тысячу долларов США. Она повисла на шее Григория и говорила, говорила, задыхаясь от любви к нему, о том, как они удвоят накопления, потом утратят, потом... и будут счастливы вместе.

Сероштанов задыхался от её жарких объятий, мычал, подпрыгивая на старой кровати, пока больно не ударился головой о бревенчатую стену, из щелей которой посыпался мелкий перепревший мох.

Григорий проснулся и долго не мог прийти в себя от такого яркого и необычного сновидения. За окном уже серел рассвет и слышны были редкие крики петухов. У него болела голова. Поставив греться чайник, он умылся и подошёл к зеркалу: «Глупости, не похож.. совсем не похож, с чего это я взял... Почему он попросился переночевать в погребу? Не кроется за этим какая-нибудь подсказка? Может, там клад зарыт?»

Он взял фонарик, ключ от погреба и, спустившись туда, убедился – глупости. Он с детства знал этот погреб, даже копал с отцом на пару, ничего там подобного быть не может, тем более, в их селе и богатых людей не было никогда. «Скорее всего... скорее всего – здесь нужно спрятать деньги!» – осенило Сероштанова.

Так он и сделал. Скатав в трубочку деньги, он сунул их в пластмассовый пенал, прижав сверху плотной крышечкой, и, проковыряв отверстие в стене погреба, замуровал.

На душе вроде бы стало легче. В погребу много места – сколько там можно нашпиговать подобных пеналов и в каждом по тысяче долларов!.. Только сам погреб буквально, как у нас говорят, на ладан дышит: середина провисла, тварило прогнило основательно – по-хорошему, надо новый погреб копать. Григорий планировал: будет жить, будет погреб копать.

Ночью ему снилась вновь молодая и красивая сотрудница банка, она продолжала клясться в любви к Сероштанову, прижимаясь к нему всё плотнее своим упругим и горячим телом. В порыве страсти она вдруг стала громко мычать, как корова. Григорий, страшно волнуясь, хватался руками за её гибкий стан, он желал её. Правда, ему не нравилось, что кассирша мычит вместо разумных слов. И это мычание всё усиливалось и усиливалось. Он проснулся. Он уже соскочил с кровати, а мычание слышалось всё громче. Подбежав к мутному окну, Григорий увидел у своего погреба тёмные человеческие фигуры. Люди громко сквернословили. Холодный пот выступил на теле Григория: «Да кто же мог распознать его тайный умысел? И при чём здесь корова?» И, схватив топор, он выскочил на улицу.

Корову вытаскивали до самого утра. Не выдержала гнилая крыша погреба забредшую соседскую корову.

Когда рассвело, Сероштанов увидел то, что когда-то называлось погребом. Это была воронка после бомбёжки. Корову, говорят, тут же прирезали из-за сломанной ноги, а Григорий целый день ковырялся в яме в надежде найти маленький пенал с долларами. Не нашёл. Он даже просеивал землю через панцирную сетку кровати – не нашёл. Он три дня копался в земле, словно червь, но желаемого не обнаружилось. Возможно, скромных размеров пенал застрял между копытом коровы, а потом где-то и выпал, или хозяйка скотины обнаружили его да и возрадовались – будет им компенсация... возможно...

Только с тех пор не стало видно Григория в том селе. Никто не знает, куда он исчез. Может, он пошёл к своей старой жене на поклон, так сказать, может, к молодой и красивой кассирше Сбербанка, но навряд ли – зачем он ей без денег. Только ночами кое-кто видел, говорят, тёмную фигуру с фонариком у заброшенного бывшего погреба Сероштанова: то ли он сам всё ещё ищет деньги, чтобы вложить их всё-таки в прибыльное дело, как и советовал Бенджамин, то ли это случайные люди ковырялись в земле, прослышав о тайном кладе Сероштанова.